

Содержание: Современныя драмы парижановъ.—Призракъ Счастья. (Окончаніе).—Крутой жъ путешественникъ.—Новыя моды.—Фельетонъ.—Сибирь.—Продолженіе описанія рѣс. № 3.—Объявленіе

Что значить воспитание и вся заботливости добросовестнейших педагогов и советников? Едва мальчик выходит из их рук, его захватывает женщина и вводит в жизнь под своим руководством. Она показывает ему, что всё прекрасны правила, вся возвы-

но одна шестая падает по страсти или слабости.

В Париж идти ничего легче как обойти без пеннишю, о которой можно не беспокоиться. Отношения двух полов между собою скорей товарищеские и не предполагают сильных страстей. Сходится между собою, как хорошие поклонники, с тем, чтоб приятно провести время.

Жанна находит Жаннету хорошей, а Жаннетта находит, что Жанна добрый жанд. Вот и достаточная причина для того чтобы сойтись, познакомиться в театры, рестораны, гулянья; при чем само собою разумеется, что Жанна всеми силами должна заботиться о поддержании ее туалета, так как это *своебъемный интерес* требует, чтоб она казалась как можно красивее.

Как скоро наша пара высказалась и не имеет сообщить нам открыть друг в друг ничего нового, начинается скука и ничто не мыслить ей развития и нескать другого союза.

Пока на сторон дхуши было еще невидение, но с тех пор как она узнала, что другие находят ее хорошей, газавы ее отворачивает некоторая перспектива, в глубине которой уже мелькают модные и ювелирные магазины.

С этих пор уже начинается так называемый «райский путь» (*chemin de paradis*), который может привести всюду и, по законам Парижского общества, не представляет ни малейших опасностей, если только по нем идти с некоторой осмотрительностью.

Чтобы не утратить от современности, *chemin de paradis* можно устроить желанной дорожкой. Конечно на желанных дорожках с путешествиями случаются иногда и несчастья, но путешествующие осторожно почти никогда не осваиваются с реальным. А за то скорость, сильное ощущение! Станция этой дороги так же хорошо известна, что почти походят одна на другую; разница только в том, что один ближе, другие дальше от цели.

Прежде, еще пятьдесят назад, эти женщины путешествия соединяли были с различными опасностями и случайностями. Была еще некоторая дорожка страстности в приемах, которыми начиналась подобная карьера. Орган, как-то начинали эти поэзию кокетства.

Случались катастрофы, нападало отчаяние, страх, ощущалась невинность, раскаяние, мсты, кончались иногда самоубийством, вообще были сильные ощущения и настроения, доставлявшие драматический материал. Дюма сыну и другим драматическим писателям. Тогда еще героини с некоторым эффектом удалялись в монастырь или в *monastere de sainte*, а теперь — все это прекрасная вещь истерички; теперь осталась только одна торговая сдѣлка. Теперь неистовство много толкуют о добродетели и невинности, потому что это нем хлещет по рукам, как порtiche нем другие туалетные предметы. Ходя жизни регулируют теперь как часы, которые переставляют вперед или назад, не повреждая при этом внутреннего механизма или души. На красоту такая — же положительная такса, как на любой таковой товар, эквивалент всего — есть постоянно *роскоши*, шелка, бархат, золото, бриллианты, но конечно в том же счету может пойти и дорогая мебель с экипажами.

Уж из вступления читатель мог заметить, куда клонится моя очерк.

Может быть эта картина из современной дамского общества выйдет немножко чернее, чем реальная, но мы не можем писать иначе как с натуры и я не хочу принадлежать к личностям, составляющим из собственной фантазии образ, не встречающийся в нашей жизни. Хотю хоть-быть на моей голове, а я буду описывать мир как он есть. Пусть клан-

нута его моральность, а мое дело только верно схватить его.

Как часто завидую и нашим художникам, которые имеют счастье писать на полотнище то бумажу. Они напичку нам прекрасную женскую фигуру и если удалось им уловить натуру по нескел его волшебного совершенства, то задача исполнена. Им дала идти счастливым до того, что прохотится в этом прекрасном, так!

Если один из наших современников, Тицианов нарисует прекрасную женщину с натуры, весь мир будет ему умиляться и все провозглашать его великим художником. Прид-же и я в расскази этим людям, с очевидными доказательствами самою неумолимой правдивостью, биографию этой престальной женщины, все закрывать: «какой реализм», это безразлично!

А между тем, мы оба пишем *с натуры!* Живописец изображает ангельскую улыбку, а наш брат должен рассказать для чего она предназначена. Живописец рисует бриллианты, а наш брат должен рассказывать их историю.

Говорите что хотите, но из десяти раз сем, ангел невинности должен быль от вратить свое лицо и уступить место ювелиру.

(Продолжение следуют).

ПРЕЗРАКЪ СЧАСТЬЯ.

(Рассказ Г.)

Окончаніе.

Вот мы так-же образом шла, завернувшись в наши плащи как мумии, по алле, которая вела на большую дорожку, на блонд фон покрытого инеем дѣла вдруг показавшая черная фигура, приближавшаяся к нам по тропинки, которая укорачивала на большой кусок настоящую большую дорожку. Фигушка, которая была блондурка, хотѣла пройти мимо. И же узнала его тотчас и остановилась. Сестрица! закрывать он и поклонился. Через минуту она уже обнимала его. Но что сморщил чрез ее голову на меня, и какой взгляд это был! Он! оставив меня водрузил от головы до пятки, как тогда при прикосновении его руки.

Что же еще рассказывать вамъ об этом? почти никак пережить до время, когда думается только об одном человеке, когда хотѣлось бы высказать всю свою душу и между темъ едва находишь слова для того, чтобы поздравиться. Къ тому же онъ был отличный актер, никто въ домъ не замѣчал, ничего особенного, не разъ даже, что было уже всего, я сама ничего не замѣчала. Я видѣла, что онъ меня искал и былъ сердитъ на меня, когда я его избѣжала; я думала, что это нехорошо и съ его и съ моей стороны, а между темъ я зарождала, когда разъ замѣтила на лету его грустный взгляд.

Тамъ прошла недѣля, праздникъ проводился въ замкѣ очень весело, между темъ какъ я сидѣла одна сама съ собою и жила своими горькими думами. Въ праздникъ, онъ одарил меня въ домъ крошечной; его маленькая сестра обнимала его за это, и я была благодарна ей въ душѣ. И не хотѣла, чтобы онъ считалъ меня слугою, потому что только из этого знания можно рассматривать на его пороки. Уже несколько дней я сидѣла и работала до самой ночи за нарядами моихъ барынь, которые они должны были надѣть на балъ въ третій день праздника. На расстоении трехъ замковъ ходыбы отъ насъ былъ графскій замокъ. Повогоаривали о женѣ Гастона на дочери графа, сама Фаничка думала о возможности этого брака и я видѣла, какъ сильно она этого желала. Даже балъ не былъ бы конечно

устроенъ, если бы онъ брать не прѣхалъ на праздникъ домой.

И такъ, я видѣла какъ послѣ обѣда отъѣхали отъ крыльца четверо всадниковъ и два всадника; потому что въ мѣстѣ съ господиномъ поѣхала почти всѣ прислуга. Только старый садонникъ, маленький кохликъ и я остались стрѣчь домъ. Гувернантка уѣхала изъ всѣхъ прѣздиковъ изъ сплннхъ рыцарей въ одинъ потранный французскій городъ. Только что экипажи смирлись изъ моихъ глазъ и я почувствовала себя на свободѣ, на меня напала сильнѣйшая тоска и грусть, такъ что я долго и горько плакала. Слезы облегчили меня, мнѣ показалось, что я вылила свое последнее горе, и я убрала себя, что когда я уйду его опыты, онъ будетъ для меня совершенно чужой, какъ давно забытая мечта. Въ сумерки я отправилась бродить по все му дому и зашла въ его комнату. Долго сидѣла я въ креслѣ передъ его письменнымъ столомъ и рассматривала вещи, которые были тутъ разложены и все казалось мнѣ, будто его самого уже нѣтъ на свѣтѣ и только эти вещи напоминаютъ еще о немъ. Такъ углубленная въ свои мечты, я онемѣла когда уже была темная ночь, только снѣгъ бѣсѣталъ ее черезъ окна со сводами; я чувствовала, что холоду увеличилась и ушла въ свою маленькую комнату, гдѣ развѣла себя на полъ огня. Тамъ я замѣтила, что мои слезы породили для совершенно истощения, такъ что я едва не заснула передъ тремашней въ каминъ огонь, а между темъ мнѣ надо было еще раздѣться и дойти до постели.

Я заснула тотчас же и проспала въ всю ночь, слезы меня не разбудили страшный сонъ. Я видѣла Гастона въ опасности и была очень рада когда описалась и собрала, что въ эту минуту онъ благополучнѣйшимъ образомъ тапущетъ и только одно счастье моего жилища въ опасности. Но моя почта развѣшала не долго осталась на дорогѣ вышодушн. Я видѣла его съ молодой графиней и другими красавицами и не желала его уступить ни одной изъ нихъ. Утѣшало меня одно только сознание, что ни одна изъ нихъ не сдѣлала бы его такъ же счастливымъ, какъ я. Особенно высокого мнѣнія я о себѣ не имѣла, но мнѣ часто приходилось сравнивать себя съ другими и думать: безъ всякихъ бриллиантовъ и нарядовъ ни одинъ человекъ не обратитъ бы на насъ особеннаго вниманія. Я хорошо знала также, что въ послѣдній годъ я очень похорошѣла; я, какъ и зать моя имѣла сильную потребность въ радости, счастья и веселья, и знала, что если самой мнѣ удастся быть счастливою, то я служу также удачей другимъ счастливымъ.

Но вѣрно этому не суждено осуществиться, пусть будетъ, что буетъ! сказала я совершенно рѣшительно. Послѣ этого я сдѣлалась такъ добра, что о снѣ нечего было болѣе и думать; я чувствовала себя въ моемъ одиночестве такъ спокойно и уютно, какъ никогда. Когда жаръ отъ топившагося камина сдѣлался слишкомъ опутительнѣй, я открыла окно и стала всматриваться въ близкую зимнюю ночь; хозодина звѣзды тихо мерцали и ни одна изъ насъ не ехала. Къ тому же и въ домъ было такъ тихо, что я слышала, какъ вину въ буфетѣ моихъ барышень маленькие стѣнные часы пробилъ одинъ за другимъ два, три и наконецъ четыре часа. Вдругъ мнѣ показалось, что и слышу вдали конскій топотъ; вотъ онъ какъ будто приближается по большому алѣе; я съ испугомъ прислушиваюсь. И действительно, это не обманъ, топотъ раздается все громче и громче; пусть ужъ кто-то скачетъ по двору замка; крикъ вырвался изъ моей груди, я бросилась съ постели къ окну и посмотрѣла: Это былъ Гастон! Онъ осматривалъ съ лошади, поелъ ее за узду къ маленькой пристройкѣ, гдѣ сидѣлъ старый садонникъ, тутъ

онь поступался и привязал лошадь к одной из жердей, потянувшись дал винограда. Божье и не глядя, миф было еще много хопот, чтобы сыскать при моем смущении платки. Только что я отбавил, как услышала его шаги по лестнице и остановилась как вкопанная посреди комнаты. Он так же постучал в дверь, как и прежде, и я могла рассмотреть его усмирное дыхание, потом он тихо поступался и позвал меня по имени.

«То так?» спросила я в своем замешательстве, хотя отлично знала кто это. Когда же он в другой раз сказал: Магдалина! и не могла заставить его дальше ждать. Я отворнула задвижку и мы очутились друг против друга. Это далось только одну минуту, по прошествии же я уже очутилась в его объятиях и все мучения и заботы были забыты.

Когда мы снова получили способность помогать друг другу в глаза, миф пришлось расслышать, не смотря на мое волнение, до того же лицо его было покрыто нежностью, в волосах и бороде висели у него таящиеся била ослепления. Он так же зашевелился, когда я провела по его волосам рукой, так что он зашевелился. Да дитя мое, сказала он, я тебе привношу в дом летаного сдобы, ты должна его теперь оттаить. Подем! И он хопот свести меня в мою комнату. Я тихо отведла его от двери и сказала: подем душе влез. Я заку в камин огонь и сейчас же стану тепло. Таким образом мы сошли рука в руку с лестницы очень медленно, потому что каждую секунду нам нужно было останавливаться, смотреть друг на друга и спрашивать, возможно ли, чтобы мы шли под руку, чтобы весь этот замок принадлежал нам и никто не мог прийти разлучить нас. Мы сошли рука в руку в темную залу, и заглаз в камин влезло пламя, а он бросил из березы в огонь покая за полз полз, пока огонь не разгорелся ярко, ярко. Тут в залу еще стояла большая свеча, а в другой не было ни одного свечки, с подерзав, будто пятый бабур; на стене висели фамильные портреты его прадедов с материнской стороны, большой родок стоял еще перед выкопкой дверей бабуров. Когда огонь разгорелся и зал стал так же курей, они подошли кресло к камину, сели на него и влез миф с собой на родин и миф было так хорошо, очутившись голову на его плече, лежать на его руках и чувствовать как таящая капля падала на мой горячий лоб. Гордые дитя, говорил он, теперь наконец я тебя поймаю. Я молчала и, закрыв глаза, думала: постой этого часа не будет больше никакой жизни, никакого счастья и никакого несчастья.

Потом он вдруг сказал: ты ведь читала все мои письма и знаешь меня так же хорошо как я сам себя знаю. О тебе же я знаю очень немного, кроме самого главного, т. е. что ты меня любишь. Рассказывай, как ты жила прежде чем пришла ко мне. Тут я рассказывала ему как случилась о моих родителях и о близких моей матери; мною из них я должна была еще сказать, между прочим я пишу: «Que je vous aime!» они хотья слышать все слова и слова и при каждом словечке меня вли в губы, пока я наконец не вскопала и не побжала. Ах дитя мое, вокруг тебя, он за мной, поймал меня и держал строго обним руками, и мы оба сидели как маленькие дитя. После того он сиделась серьезнее и сказала: Я еще ничего не подарил тебе к празднику, хотя и приготовил подарить и только для того, чтобы отдать его тебе, прихвату сюда из университета. Говори это, они пылули маляное колечко, гладкое, золотое, а так как я качала голову, то он спросил меня: отчего ты не хочешь его носить? Я молчала, но мною вдруг овладел сильный ужас, я должна была пер-

вые подумать о будущем, и, едва переждав дух, спросила: стало быть это не шутка, Гастон? Дитя, сказала он, разв я ухаживал бы для шутки с праздника и проскакал бы два часа на ужасном морозе? Это невозможно, говорила я, он никогда не позовет! Да, если бы их спрашивали! говорил он, сейчас. Кто много спрашивает, тот получает много ответов. Я спросил только тебя, а ты больше не можешь мне сказать ничего. И действительно, я не могла этого, я протянула ему руку и он надел миф на палец колечко. Когда же я поджала это маленькое колечко, он обнял меня, поджал с полу и понес как безомощное дитя через все залу к утру миф, старым фамильным портретам. Дитя ты мне так же свое согласие, празднику? Обмывай просит нашего благословения, двоюродная бабушка. Без сомнений миф нечего возражать, дитя! Теперь видишь ли, дитя, эти почтенные люди и приваляны давным давным мифом, и дитя в голубом меховом фраке с бриллиантовыми пуговицами, должно быть большой знакомый в женщинах, смотреть на меня с тихой завистью и думать про себя:

С какой стати этот молодой человек имеет такой тонкий вкус, не смотря на то, что его отец готуиер? При этом он от души расхохотался и спустил меня тихо на ковер и мы ходили под руку по длинному залу и двоюродной своей бабушке.

Как быстро время! Я не хотья вбрызнуть, когда часы в будар пробилась полночь, что он уж два часа со мною. Кому же было еще совершенно тепло, огонь в камин уже погас, только уголья были еще красны, но они больше не грели. Я задрожала и прижалась к его руке; я думала: если он теперь уйдет, все кровь у меня застынет в жилах. Ты устал! спросил он у меня: подем, я тебя спущу на твою постель. Я только покачала головой. Ты в самом деле хочешь уехать? спросила я потом. Ты замерзнешь по дороге, утренний ветер так резок, а чувствую его даже здесь; как он дует сквозняк меня бакала! Он засмеялся и сказал: Я замерз на душем бака, когда танцевал с молодой графиней; тут он рассказывал, как едва мог дождаться конца праздника, и когда все гости разошлись по комнатам замка, потому что все приглашенные остались ночевать — он пошел в конюшню и сам обсыдал себя лошадь. Что они подумают, если узнают ее, и увидят как ты устроил хитрость здесь? Пусть их думают, что хотья! сказала он. Здесь садовник и маленький Иван не выдадут меня.

А если бы даже и выдали, то сейчас надь отми; а попробуй-ка кто нибудь заставить тебя заплакать, так я спую ему псему!

При этом он сел за рояль, сыграл и сказал: «Que je vous aime!» Потом вдруг вскопал и сказал: Подем, пора! Я сяду на нем безосновательно, сердце готово было у меня высочиться. Так он меня вел вверх по лестнице, положив руку на мое плечо. Никто из нас не говорил ни слова. На верхней ступени, прямо против моей двери, я остановилась. Попробуем здесь, просила я его. Так холодно! спросил он тихо. Разв ты хочешь проститься со мной на сполночь вбрызку на темной лестнице? Ты ведь должен идти, сказала я. Если ты туда пойдешь, я не отпущу тебя больше из такого морозного утра, а между тем ты должен влез.

Я дождь? сказала он, и я чувствовала как он сильнее прижал меня к себе. А что если я не хочу этого? Я хочу здесь остаться. Этой часи нашь! Кто знает, когда придет опять такой, который будет принадлежать нам вондт. Магдалина!... Тут мы овладевали несанкционированным страхом, я вырвалась из

его рук, вбжала в свою комнату и заперла за собою дверь.

Но мое колчан подкосился, я быстро опустилась на порог, ударившись головой о ручку двери и локтя себя руки. Вбглад мой нашла на противоположную стену, где был много пошнее сплут моего отца, когда он был еще молодым человеком. В конюшню было еще так тепло, что я могла различить только темное пятно на белой черту; но так как я знала наугуст каждую черту, то миф показало, что я лено вижу перед собою его лицо и слышу как он говорит о добродетели, «несчастие не возможно пока ты добродетельна». Миф слышала, что он так говорил со мной, миф, и одна ко я слышала также через дверь голоса Гастона и чувствовала себя такой несчастной, что миф лучше всего казалась тут же умереть на мист.

Добрый ночь! было послание, что сказала Гастон. Ты же раскиснешь, Магдалина, что так жестоко прогнала меня! — После этого он сошел с лестницы, я удержалась в слезах и слышала среди своих рыданий, как на двор раздался конский топот. Я не могла подняться, чтобы посмотреть на него из окна. Я чувствовала, что не стоала того, чтобы он прижал сюда для меня.

Рыдан и совершенно без сна легла я в постель дрожа от хихорки и вскакивая в мифе шепот, как будто ожидая не придет ли он опять и не поступит ли в дверь, — и тогда, если-бы это стоало миф жизни, я отворила бы ему — я же стояла и видела, что все сильнее и сильнее шель миф и наконец поднялась вьюга, которая как миф казалась, пропала и в мою комнату.

Вьюга становилась все сильнее и сильнее и точно говорила миф: ты будешь виновата, если он испрится с тобой нибудь, потому что разв тебя он прихвату сюда ночью и в страшный мороз, чтобы сказать тебе, что он любит тебя больше всего на свете и если бы ты его не прогнала, твои глаза могли бы теперь видеть его, а твои руки обнимать его — а теперь кто знает, когда это опять случится! Между тем в замке вбрыз слышались как будто человеческие голоса, ночные птицы кричали, вбрыз в паре замка полз туча и вскакивала и думала. Не он ли это? так! прошло два три часа; было еще совсем темно — вбрыз действительно пошамалась стуч, но не в мою дверь, а вбрыз в ворота, тяжелые, сильные удары как будто тунным топором, потом на несколько секунд все смолкло, но опять — и теперь — секунд все перестало биться при этом звук, — теперь я лено слышала ржание лошади, а звуки топора были удары ее копыт. Отчего мною точно же овладало странное предчувствие!

Разв я не могла подумать: Он передумал дорогой и снова возвращается ко мне?

В одной секунды я этого не думала; я чувствовала только страх и несчастье. Накинувшись в постель, платки, не загнула свечки, я стремглав вылезла с лестницы и вбжала на глубоко заснеженный ситков двор в воротах, где еще все продолжали стучать. Тут я хотья отодвинуть засов, но расшпала себя руки в кровь, а не могла этого сделать. Миф хотья позвать Гастона, но что, если теперь миф никто не ответит? подкакала во миф страшный голос. Лошадь заржала еще несколько раз, что наконец разбудило садовника, который с оварм в руках вышел из своего маленького жилища. Мы оба молчали, он нибриот думал, то самое, чего не было в состоянии выговорить мой язык. Одним движением он отворил ворота и поспешил за ними фонарем.

Тавь стоала дрожащая лошадь, все вбрыз не смотря на зимнюю вьюгу, — без сдока!

Она такъ жалобно рыдала, не могла успокоиться не смотря на всѣ ласки старика и постоянно поворачивалась въ дорожку, какъ будто прощала насъ: подите же и посмотрите что случилось! — Мнѣ казалось, что я должна стыдиться этого животного, такъ оно чувствовало по человечески, до такой степени сочувствовало своему господину, которого я прогнала и послала на смерть.

Онъ должно быть свалился, сказалъ старикъ. Посмотрите, этотъ бѣсъ животного совсѣмъ изъ сѣту. Только-бы не случилось никакого несчастья! Останьтесь здѣсь; я пробѣгу по дорожкѣ въ лѣсъ; можетъ онъ пужается въ по мши!

Пѣть, отвѣчала я, я иду съ вами. — Онъ не могъ меня отговорить и я позволяла ему только набрести на меня старое покрывало. Потому что я была безъ шляпы и безъ плаща. Вѣста стала затишай, и когда мы прошли за дощадку въ некоторое пространство черезъ лѣсъ, то сѣту совсѣмъ пересталъ и тамъ и самъ сталъ виден на небѣ звѣздамъ. Мы шли поспѣшно; старикъ смотрѣлъ на лѣво, я направо на покрывало сѣту; землю; такъ мы шли цѣлый часъ не произнося ни слова, пока наконецъ онъ сказалъ: Тутъ начинается скверное мѣсто. Я посмотрѣла туда и тотчасъ же поняла его. Тутъ было деревенный мѣстъ черезъ большой оврагъ, куда во время дождей набиралась вода. Здѣсь дощадка снова зарылась и я должна была остановиться, потому что мой конь отказывался идти далѣе. Г-нъ Гастонъ! закричалъ старикъ. Но страшное молчаніе не прерывалось.

Подержите дощадку, сказалъ онъ, и подайте мнѣ уду; я хочу сойти внизъ. Моему ужасно скучно. — Скоро послѣ этого онъ повалъ меня сину: Идите сюда! онъ здѣсь! помогите мнѣ!

Я оставила уду и бросилась внизъ. Сѣту слышалъ на стошко, что еще сверху можно было видѣть что дѣлалъ такъ внизу. Около его головы было темное пятно на бѣломъ фонѣ и я знала же темная пятна покрывала его плечи, засыпанныхъ сѣткою. Когда я увидѣла это, сознаніе осталось меня и я упала на землю возле него. Но я ясно помню, что тотчасъ же пришла въ себя, потому остался съ нимъ одна и все это мнѣ показалось сномъ. Въ тому же я не могла пошевельнѣть ни однимъ членомъ. Я только глядѣла притянуто въ его лицо и на красная пятна на сѣту. Мнѣ казалось, что со мной уже все покончено; пусть только еще по сѣдкамъ капля крови во мнѣ замерзнутъ, и тогда все будетъ хорошо! думала я. Я, отъ горя ничего не чувствовала, такъ было все тихо во мнѣ и вокругъ меня.

Но вотъ снова я услышала голосъ старика и другихъ людей и ошомилась; я позвала ихъ и пока они устанавливали на верху маленькую повозку, я старалась поднятъ Гастона и почувствовала только теперь, когда онъ лежалъ на моихъ рукахъ, что вслѣдъ помощь ужъ безопасна. Люди вынесли его на рукахъ изъ ямы и положили въ повозку, въ которую они впрягли лошадь. Это были крестьяне изъ ближайшей деревни; они всѣ знали Гастона; а мнѣ были въ фелдшеръ, который сталъ также въ повозку и впряженъ всѣхъ дорогихъ старая привести его къ жизни. Я и другіе шли впереди. Но никто не вѣдалъ сдѣлать спросить, проснется-ли онъ снова. Когда мы возвратились въ замокъ, мое кажушееся мучство меня оставило.

Доживъ въ постелѣ, сударыня, говорилъ мнѣ старикъ. Видъ мы не можемъ болѣе ему помочь. Хорошо еще, что онъ не много страдал. Во время паденія онъ уже долженъ былъ потерять сознаніе.

Не знаю какъ я пережила это несчастье. Была изъ себя сила иди слабость, но всѣ остальные бѣдныя жизни, какія я только могу предугадать, кажутся мнѣ передъ этимъ несчастьемъ только жалкими, ничтожными испытаніями.

Жаль только, что нельзя остаться на всегда такой беззащитной, какъ въ первые минуты. Если-бы я осталась такою каменною, какою была на другой день послѣ этой ночи, то конечно все кончилось бы со мной гораздо скорее. Если-бы мнѣ тогда вѣтхалъ въ тѣло раскаленные гвозди, то я жаждала бы и не изгорѣла. Все, что я должна была высматривать, когда въ подлѣе прѣхала мать и дочери, всѣ горькія оскорбленія, съ которыми меня прогоняли какъ развратную женщину, приснушую неспрашивая въ ихъ домъ, какъ бездумную убойку, которую ни одного часа нельзя было болѣе терпѣть въ семьѣ — все это не трогало меня ни минуты. Я не сказала ни слова въ свое оправданіе. Если-бы я рассказала мнѣ всю правду, то развѣ мнѣ пошла-бы, да и легче-ли бы мнѣ было отъ этого! Если-бы всѣ признали меня невинной, то развѣ я сама сгнала-бы себя мѣхе виновной, и развѣ это разбуздало-бы мертвого?

Я не могла ненавидѣть этимъ бѣдныхъ людей, которые оскорбили меня. Развѣ я не почитала и не поговорила дѣйствительно ихъ любви, изъ гордости и радости?

Что мнѣ было теперь вѣтъ, что я, уходя нѣмѣ изъ ихъ дома, могла насладиться сознаніемъ своей добродѣтели! Она была теперь свѣтла, чѣста и чиста эта добродѣтель, и однако холодно и ужасъ пробиралъ меня до мозга костей. Такъ продолжались недѣли и мѣсяцы, пока наконецъ я до того не замучилась, что заснула горячими сномъ и очутилась холодной какъ статуя.

Кругосвѣтныя путешествіи.

 день празднованія сорокового года существования Берлинскаго географическаго общества, 26 апрѣля 1868 года. Г. Леманъ предложилъ гостя въ женщины, сказавши при этомъ слѣдующую рѣчь:

«Сегодня, географическое общество съ полными основаніемъ можетъ приветствовать женщинъ, какъ своихъ собратій, потому что именно въ наукѣ земледѣнія наши современныя женщины сдѣлали многое и заслужили безграничное сочувствіе своихъ современниковъ.»

Наше время, стремящееся открыть для женщинъ новыя пути дѣятельности и облегчить тѣ, которыя уже существовали прежде, видѣло даже на тернистомъ пути научныхъ путешествій много замѣчательные подвиги слабой половины человѣческаго рода. Въ числѣ такихъ сподвижницъ, назовемъ сперва нашу уважаемую соотечественницу г-жу Клау Фейербергъ изъ Вѣны, которая, за свои труды, избрана была почетнымъ членомъ парижскаго географическаго общества и встрѣчена съ чрезвычайнымъ почетомъ въ Берлинѣ, который посѣтила передъ нѣмѣмъ своего послѣдняго большого путешествія. Г-жа Клау Фейербергъ, отъ 1842 г. до своей смерти въ 1858 году, сдѣлала пять большихъ путешествій, изъ которыхъ четыре описаны ею самою. Первые два путешествія могутъ считаться сравнительно незначительными: во время первого, путешественница была въ Палестинѣ и Египтѣ, а во время второго, въ Скандинавіи, Исландіи и Ледовитомъ морѣ. Послѣднія три ея путешествія имѣли уже основательно обдуманную планъ и вносили научное значеніе. Она посѣтила континенты и острова всѣхъ пяти частей свѣта и прошла громадную громадную пространства. Надвѣ радужное гостепріимство у жителей Мозамбикскаго острова, она продолжала свое второе путешествіе не цѣлый годъ; но во время третьяго путешествія, ее признали въ Мадагаскаръ за блуждающую и посадили въ тюрьму, гдѣ она выстрадала полтора года. Это варварское насилье

подождало предѣла ея научной дѣятельности. Она не успѣла издать своего третьяго большаго путешествія по причинѣ сильной болѣзни, полученной ею въ заточеніи; отъ этой болѣзни она и умерла въ Вѣнѣ въ 1858 году.

«На разѣ съ Идой Фейербергъ, названу г-жу Тонне изъ Роттердама, которая оказалась болѣею услугу въ области земледѣнія. Въ 1862—63 годахъ, устроила она экспедицію въ Бѣломъ Иалу въ г-нъ Суданъ, которая стоила болѣе ста тысячъ талеровъ. Для этой цѣли, она построила собственный пароходъ въ Каирѣ, на которомъ и отправилась съ своими обилии дочерями и многочисленными мужиками, в женскими обществомъ. Въ Каирѣ, она на выгоднѣйшихъ условіяхъ пригласила вѣнскихъ путешественниковъ: Гейхана, доктора Штейдлера и Шуберта. Эти ученые готовились тогда предпринять путешествіе въ Африку для отысканія доктора Фотаса. Они приняли предложеніе г-жи Тонне и поехали на са пароходъ вверхъ по Бѣлому Иалу, откуда начали насѣдѣніи и по внутренности страны. Ихъ несчастье г-жи Тонне, одна изъ ея дочерей и г-г. Штейдлеръ и Шубертъ не перенесли климата и погибли. Счастливо возвратились изъ экспедиціи только дѣвца Александра Тонне и г. Гейхлинъ. Гейхлинъ описалъ свое путешествіе Немецкими «Geographische Mittheilungen», а полнѣйшія свѣдѣнія появились на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Дѣвца Александра Тонне, бѣжавшая всегда верхою впередъ каравана во время заснѣдованій на сухомъ пути, была пріятельствуема дикими испанскими племенами какъ дочь Великаго Стамбулскаго султана и нѣредо провозглашаема королевой Судана. Теперь эта неутомимая путешественница находится въ Сахарѣ съ значительнымъ увеличеніемъ свѣтой и имѣетъ смѣлое предположеніе взобраться на Снѣга горы, а потомъ, если возможно, черезъ пустыни и дойти по нѣдоступной дорогѣ, пролѣзть въ стою море еще неизвѣстное владѣніе Тумбуку. По пути, къ ней иногда присоединяются ученые и натуралисты посѣщающіе ея странъ.»

Третья сподвижница на пути научныхъ открытій, супруга знаменитаго насѣдѣнателя устьевъ Ила, сэра Саула Бакара. Она не только раздѣляла всѣ труды и опасности со своимъ мужемъ во время путешествія его во внутреннюю Африку, съ продажнаго невыполненіи, но не только сдѣлала его даже отъ смерти, благодаря своей неустрашимости и присутствію духа передъ дикими неграми племенами, которые никогда еще невидѣли блѣдой женщины и считали г-жу Бакеръ какія нибудь божествомъ бѣлыхъ.»

Въ Америкѣ, въ одной изъ высшихъ школъ Соединенныхъ Штатовъ, г-жа Балдуинъ занимаетъ кафедру греческаго языка. Въ Нью-Йоркѣ многія дамы читаютъ лекціи Политической экономіи. Въ числѣ преподавательницъ въ высшихъ американскихъ школахъ есть даже одна дама—негротина.

О знаменитомъ путешественникѣ Ливингстонѣ, полученные вѣсти, что онъ возвращается на родину и везетъ съ собою множество любопытныхъ вещей и вѣстей.

Новыя моды.

Никогда новая мода, покрайней мѣрѣ та, которая сдѣлаетъ большинство, не отбрасываетъ совершенно того, что существовало прежде и не создаетъ новаго прямо на обломкахъ стараго. Она и переходя съ болѣе или менѣе постепенностью и старое въ ней поочередно, сдѣлала съ новымъ и переходя въ его составъ. Повидимому, совершенно гадать плетя начала прошлаго сезона, составляють разнотравную противоположность нынѣшнимъ физикамъ. А между тѣмъ, собственно *физика* дѣлается уже изъ второй, верхней юбки, а нижняя остается

все та же коса; а такъ какъ панье всего лучше сидитъ на юбѣ, которая имѣетъ складки снизу, то это легко пополнить подвѣсившимъ внутри волосамъ турнюромъ. Такихъ турнюровъ мы приложили къ рисунку въ № 7 Моднаго Свѣта. На рис. 1 № 7 будетъ даже еще болѣе легкой способъ сдѣлать моднымъ косое платье. Стоить только пришить назадъ родъ турюра изъ одной матеріи съ платьемъ, показывая его на жесткую киску или марло и украсивши бантами и отбѣлкой подходящей къ платью.

Вертисъ принимая въ соображеніе и то, что трудно будетъ подыскать матеріи одинаковой съ платьемъ, мода вселомистѣннѣе дозволитъ дѣлать панье другаго цвѣта. Такимъ образомъ, очень легко сдѣлать уже пошное платье, разувшись соблюдавъ при этомъ гармонію, какъ въ цвѣтахъ, какъ и въ добротѣ матеріи. Матрія съ пестрымъ рисункомъ или подоснами всегда требуетъ гладкаго добавленія, а которую изъ двухъ употребитъ на верхнее платье, будетъ зависѣть отъ снѣжности ткани и личнаго вкуса. Правильно только одно: Нижнее платье всегда должно быть темнѣе верхнее и на него больше идутъ полостыя матеріи. Даже и безъ двойной юбки можно обшить уже по шное платье. Къ строму и коричневому цвѣтамъ идутъ яркія отбѣлки, такъ что разныя бѣя и оборами можно покрыть много платъ и изыновъ. Шотландскіе узоры опять въ модѣ и входятъ въ составъ большей части костюмовъ, по преимуществу однопцѣвнѣхъ. Атласъ встрѣчается повсюду и имѣетъ всевозможные оттѣнки. На Нижегородской ярмаркѣ всего сильнѣе шелъ швейный тодь именно атласъ съ пенькомъ, и дѣйствительно, это самая эффектная и наивнѣе дорогая отбѣлка. Атласъ дѣлается теперь и подосатымъ.

Базальныя платья также можно обновить по нѣскольку разъ, набравши на нихъ разные тонныи изъ кружевъ, толъ, газа, тонкой кисеи и лапъ. Нынѣшнія обильныя складками драпировки, очень плохо прикрываютъ цвѣтноту чохать, такъ что никакой лорей газъ не различитъ на немъ платъ. Край нижней юбки также весь покрывается буффами или воланами.

Перчатки носятъ очень длинныя, съ тремя и даже четырьмя пучками; цвѣтъ ихъ преимущественно матовый, сдѣланный отнѣнокъ. Бѣлыя перчатки, даже и при бѣлыхъ платьяхъ, считаются уже признакомъ безвкусы.

Шапочки причисляются къ юбамъ, буффамъ, руло, большаиямъ локонамъ. Переднебулоны зачесываются вверхъ или раздѣляются на половину поперекъ и верхняя часть спускается на лобъ, а нижняя зачесывается вверхъ. Бѣлокурые волосы почти всегда крепятся, забираются или закручиваются, а черные напротивъ остаются въ естественномъ видѣ, чтобы не утратили ихъ блескъ.

Крѣпъ дѣлтъ, въ волосахъ носится почти исключительно цвѣтъ, просто или съ кружевными нагонами, бары которыхъ скрѣпляются на груди. Наколки пожимаютъ дѣтъ имѣть неизмѣнную форму сѣки съ верхней космочкой.

Дѣти и очень молодые дѣвушки распускаютъ волосы просто и перемываютъ ихъ лестью. Есакне волосъ очень длинны, то ихъ заплетаютъ въ распущенныя косы, по двѣ и по три, съ вилѣстными въ юнцы лентами.

Для кружежныхъ и французскихъ шалей, отбѣлки болѣею частью состоитъ изъ перьевъ. Нѣрѣдко встрѣчаются куртака шалы совершенно изъ перьевъ, съ бантами или птѣнкой годовой.

Сорта де балъ имѣетъ преимущественно форму багальны въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Бѣлые багальны съ вышивками считаются самыми изящными.

Кринолинъ есть неизбѣжная принадлежность нынѣшнихъ костюмовъ, а о томъ, какъ кроится

нынѣшнія косы юбки, читательница найдутъ указанія въ будущемъ № 7 Моднаго Свѣта. Выкройки съ поворотами рисуются теперь въ уменьшенномъ видѣ тутъ же на листѣ, чтобы легче было восстановить отдѣльными части.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ Москѣ скончалась даровитая артистка Нинулина. Скончалась. Бѣлая, выдавшійся хотъ разъ въ пѣскахъ Островскаго или вообще въ пѣскахъ изъ русскаго бѣла, почти уже не могъ потомъ удовлетвориться никакимъ исполненіемъ. Даже и въ старости, игра г-жи Косицкой отпадалась сильными душевными, а о симпатичности уже и говорить нечего. Г-жа Нинулина была болѣе два года и за это время средства ей такъ истощались, что говорить, ихъ едва достаю на похороны.

Жизнь и фельетонъ изобилуютъ самыми рѣкими контрастами, въ доказательство чего, тотчасъ послѣ печальнаго извѣстія, мы поведемъ своихъ читатель въ бѣла, гдѣ дебютируетъ новое свѣтло г-жа Георгіева Доръ. Зрители увидятъ чрезвычайно красивое лицо съ выразительнѣйшими черными глазами и услышатъ грома рукоплесканій. Такого блестящаго дебюта бѣлошамъ не запомнятъ со временъ Фанни Эльсеръ. Такъ не дебютировала даже знаменитая Агнесъ Гранцова. Съ сожалѣніемъ, мы лично не обладаемъ обширными свѣдѣніями по бѣлой части и принуждены заимствовать оцѣнку совершенствъ новой бѣлошамъ у спеціально бѣлаго корреспондента газеты «Голосъ»: Г-жа Доръ достигла совершенствъ въ отбѣлкѣ такихъ техническихъ трудностей танцевъ и такихъ новыхъ темъ, которые положительно не полагали на одной изъ современныхъ бѣлошамъ, разувшись за исключеніемъ г-жи Агнесъ Гранцовой, для которой, какъ давно уже вѣдомо, за исключеніемъ меланхъ на, никакихъ трудностей и не существуетъ. Дебютантъ ка особенно отпадался: безукоризненной школой, правильной выработкой ногъ, изумительной быстротой движеній, безъ нарушения однакожъ должной чистоты и отчужденности, и необыкновенной силой носковъ. Ея двойная прурты просто вьютъ, какой-то вихрь; въ меланхъ на она не уступаетъ въ проворствѣ Розантъ и Муравьевой. Въ бѣлаѣ Корсаръ, г-жа Доръ пораила знатокомъ искусства такъ называемыхъ *pirottes tendres*. Дебютантка одарена замѣлательной заеаеиъ, пластичностью въ полахъ и граціею въ движеніяхъ. Что же касаетъ симмической игры, то она сразу заявила себя опытной драматической артисткой въ полномъ смыслѣ этого слова. Мимика ея энергична, осмысленна, благородна и вполне естественна; въ игрѣ бѣлошамъ нѣтъ тѣхъ рутинныхъ, мѣло-драматическихъ приѣмовъ, которые обыкновенно составляютъ недостатокъ большинства танцовщицъ.

Въ добавокъ, г-жа Доръ отличается болѣею подвижностью лица и вообще весьма счастливою сценической наружностью. Если принять все это въ соображеніе, то блестящая она . можно даже сказать, колоссальный успѣхъ г-жи Доръ, совершенно понятенъ и вполне его заслуженъ. Г-жа Доръ дебютировала въ «Корсарѣ», въ которомъ никогда еще не танцовала до появления своего на Петербургской сценѣ. Роль свою она изучила не болѣе какъ въ двѣ недѣли.

На французской сценѣ три новыхъ сюжета. Намъ случалось видѣть пока только г-жу Винъ, ангажированную на роли благородныхъ матерей вмѣстѣ г-жи Вольфсъ. Не смотря на трудность угодить публикѣ послѣ такой любими и талантливой актрисы, г-жа Винъ провела чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Игра ея отличается умомъ и измѣстностью, наружность очень пріятна, голосъ симпатичный. Въ день перва-

го дебюта, можно было показавъ упрямствъ г-жу Винъ въ нѣкоторой халодности или скорѣе только сдержанности, но весьма вѣроятно, что это зависѣло отъ волненія при первомъ знакомствѣ съ новой публикой. Видѣвши г-жу Винъ въ другихъ пѣскахъ сообщила намъ о ней очень похвальные отзывы.

На нѣмецкой сценѣ, изъ трехъ вновь пріобрѣтенныхъ примадоннъ, вниманіе болѣе привлекла только г-жа Ротмайеръ. Игра ея, хотя далеко не заставляетъ забывать прѣдстѣль г-жи Рае, но все-таки отличается граціей и естественностью. Является г-жа Ротмайеръ въ тѣхъ же самыхъ роляхъ, въ которыхъ играла и ея прѣдстѣль прѣдшественница и публика принимаетъ ее очень внимательно.

Съ началомъ зимняго сезона, сдѣлаются путешествіями со всѣхъ сторонъ, сдѣлаются болѣею частью не въ духѣ, потому что кончатся отдыхъ и приходится приниматься за дѣло. Въ такихъ случаяхъ, досада срывается обыкновенно на путяхъ сообщенія; принимаютъ жаловаться на устаею и мечтатъ—пусть кто по воздушному путешествію. Кстае же нѣсколько летящихъ машинъ выставлено въ хрустальныхъ дворцѣ Лондона и нагадно доказываютъ, что идея летѣть по воздуху принадлежитъ уже не одному мѣру фантазіи или философской мечтаній, а переселается на почву тресковой науки.

Съ начала нынѣшняго столѣтія, пробовали совершать нѣсколько путешествій въ воздушномъ шарѣ, но употребленіе плодороднаго газа оказалось неудобнымъ, такъ какъ шаръ въ этомъ случаѣ слишкомъ быстро пропусаетъ атмосферическій воздухъ сквозь свою оболочку и, по мѣрѣ наполненія обыкновеннымъ воздухомъ, опускается внизъ. Гринъ первый наполнилъ свой шаръ углеродными газомъ, который не такъ легко какъ водородный, но все же значительно легче атмосферическаго, и совершилъ свое знаменитое 48 часовое путешествіе изъ Лондона черезъ Голландію и Бельгію. Послѣ этой удачной помытки, воздухоплаванія сдѣлалась все чаще и чаще и на шарахъ поднимаются не только люди, но и лошади. Теперь, для наполненія шара, употребляютъ углеродный газъ въ различныхъ соединеніяхъ, нѣрѣдко даже освѣлительный газъ, который только немного легче атмосферическаго воздуха; но за то эти шары поднимаются не очень въ око. При обыкновенныхъ воздухоплаваніяхъ, принуждены бываютъ брать много балласта и выбрасывать его по мѣрѣ надобности, что то, чтобы шаръ поднялся выше. Для опускающаго же шара существуетъ кранъ, посредствомъ котораго выпускается газъ, но за то утрачивается возможность опять подняться вверхъ. Впрочемъ, шаръ все-таки поддерживаетъ порть и тогда воздухоплавательна угрожаетъ смертельной опасностью.

Вотъ для того-то, чтобы какъ можно меньше подвергаться напизнанъ Зола и болѣе или меньше по своему произволу управлять воздушнымъ путешествіемъ, и выставлены въ Лондонѣ упомянутыя нами машины.

Модель Лунтае представляетъ шаръ въ видѣ рыбы, поды которую виситъ лодка съ паровой машиной; горючій матеріалъ долженъ состоять изъ нѣкотораго рода освѣлительнаго газа. На переднемъ концѣ шара сдѣланы крылья, крылья котораго поставлены такъ, что отталкиваютъ воздухъ отъ шара впередъ; сзади виситъ съ такими-же крыльями, которая сползаютъ воздухъ къ шару и спускаютъ его, что по мѣрѣ изобрѣтенія должно подталкивать шаръ впередъ. Руль находится на свѣтѣ шара, какъ у рыбы спинные плавники. Съ сожалѣніемъ, модель эта еще не подвергалась эксперименту.

Спенсеръ представилъ машину въ формѣ бабочки для одного пассажира, котораго она какъ-бы окутываетъ плащомъ. Справа и сдѣла крылья, на которыхъ наладутъ руки и руки

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту швейную машину, или же принять на себя агентуру одной изъ большихъ городовъ, благоволять обращаться въ единственнаго по всей Россіи агента компаніи **Вилькокса и Бивбса, Ж. В. 1863.** въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ домъ Ивана Голубцова.

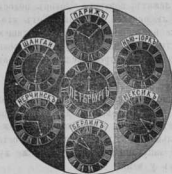
Такъ же имеется всѣхъ известная швейная машина Гуса младшаго и выборъ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

Объявленія, помѣщаемыя въ настоящее время въ газетахъ, о имѣющихъ выйти въ свѣтъ Календаряхъ на 1869 годъ, ставятъ публику въ затруднительное положеніе относительно удачнаго пріобрѣтенія себѣ экземпляра одного изъ изданныхъ календарей, а потому я какъ издатель всѣхъ известнаго

„ВСЕОБЩАГО КАЛЕНДАРЯ“,

(въ КРАСНОЙ ОБЕРТКѢ СЪ ЧАСАМИ)

Имѣю честь довести до свѣдѣнія благосклонной публики, что я приступалъ къ изданію этого календаря и на 1869 годъ, въ которомъ будетъ помѣщено большое количество разнообразныхъ свѣдѣній, проверенныхъ по самымъ вѣрнымъ и послѣднимъ источникамъ, такъ что пріобрѣтшій календарь моего изданія найдетъ въ немъ необходимую справочную книгу, могущую доставить ему вѣрныя свѣдѣнія.

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ моего изданія, не имѣетъ ничего общаго съ издаваемыми календарями, подъ названіемъ: «Пятикопечный Всеобщій Календарь» и «Пастольный Календарь», а потому желающимъ пріобрѣсти настоящій Всеобщій Календарь на 1869 годъ, покорнѣе прошу, во избѣжаніе ошибки при покупкѣ, спрашивать

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ изданія Германа Гоппе.

Цѣна Всеобщему Календарю моего изданія: въ бумажкѣ безъ пересылки **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 30 к.**, въ папкѣ безъ перес. **1 руб. 25 к.**, съ перес. **1 руб. 50 к.**, въ коленкоровомъ переплетѣ безъ перес. **1 руб. 50 к.**, съ перес. **2 руб.**

Всѣ перепечатки или моего календаря, т. е. контрафакцію, я буду преслѣдовать законнымъ порядкомъ.

Издатель «Всеобщаго Календаря»
ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ, продается въ Конторѣ Редакціи журнала „МОДНЫЙ СВѢТЪ“, у издателя Германа Гоппе, по Вол. Сад. ул. д. Ильина № 16.

Цѣна **60 коп. сер.**, съ перес. **1 руб. сер.**

ЖУРНАЛА „МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1868 году,

Съ 1-го Января по 1-ое Сентября вышло 8 изумовъ, которые кромѣ объяснительнаго текста на русскомъ и французскомъ языкахъ, содержатъ въ себѣ 89 различныхъ пьесъ для фортепіано въ 4 руки, въ 2 руки, танца и пѣніе съ аккомпанементомъ на фортепіано. Вышедшій за Сентябрь мѣсяць № 9-й Музыкальнаго Свѣта заключаетъ въ себѣ портреты г-на Вильгельма и слѣдующія пьесы:

SPINDLER. op. 94 Marche изъ op. Taubertъера P. Bagnera 4 mains.
KETTERER. op. 209. Mignon. Fantaisie brillante.
MERAUX. Scirocco. Mélodie de Meyerbeer.
MERAUX. Guide au bord ta nacelle. Mélodie de Meyerbeer.
Fr. SCHUBERT. op. 94 Moment Musical.
H. LICHNER. op. 13 № 1. Minnelied. Mélodie-Etude.

H. LICHNER. op. 13 № 5. Gondellied. Mélodie-Etude.
KOEHLING. op. 47. Au plaisir de vous revoir. Improromptu.
AUBER. L'Eclat de rire (Lachlied).
WISSOTCHANSKY. Souvenir de Lesnoi. Polka.
J. IOTTI. Кто могъ любить такъ страстно. Романсъ.
БУРАВИНЪ. Клязь. Листовъ. Романсъ.

Подписная цѣна въ годъ: безъ пересылки **12 руб. сер.** съ пересылкою **13 р. 50 к.** Въсѣхъ съ иллюстрированными журналомъ для дамъ „Модный Свѣтъ“ съ 1 издан. **14 руб.** безъ дост. и **17 р. 25 коп.** съ перес. — Со II издан. **15 руб.** безъ дост. и **18 р. 50 к.** съ перес. —

СОКРОВИЩЕ ДЛЯ МАТЕРЕЙ СЕМЕЙСТВЪ.

Школа эта, составленная гг. Браесеръ и Иотти, тщательно приспособлена къ облегченію преподаванія первыхъ началъ музыкальнаго искусства, для лицъ, желающихъ сами заниматься музыкальнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Я надѣюсь, что Матери семействъ, содержащія дѣтей пансіоновъ, и гувернантки, живущія внутри Россіи, не преминутъ пріобрѣсти это весьма полезное сочиненіе, котораго названіе — существовавшимъ образомъ способствовать къ прогрессивному развитію умственныхъ способностей въ молодыхъ ученикахъ.

Цѣна для подписчиковъ на Музыкальн. Свѣтъ въ Петербургѣ **3 р. 50 к. сер.**
— — — — — съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи **4 р. 50 к. сер.**
— — — — — для прочихъ лицъ въ Петербургѣ **5 р. „ „ „**
— — — — — — — — — — — съ пересылкою **6 р. „ „ „**

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ прибавленіе къ „Сокровищу для матерей семействъ“.

При этомъ номерѣ прилагается объявленіе о швейныхъ машинахъ А. Крумбога.

Главная Контора Редакціи **ГЕРМАНА ГОППЕ** находится въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой улицѣ въ д. Ильина, № 16.

Дополное изданіе. С.-Петербургъ, 21 Сентября 1868 г.

Издатель Германъ Гоппе. — Редакторъ Ю. Н. Покровскаго.

Типографія в Литейной Кладѣ Кудъ, у лѣвнчаго моста, д. № 40.